

ГАСТРОЛИ

14 1 ОКТ 1989

«С А Б И»

РАССКАЗЫВАЕТ

С К А З К У

— Волк! Волк! Это!

— Не верь! Это не оленка!

— Волк! Волк!! Волк!!!

Зрители считали своим первейшим долгом предупредить Соломенного бычка. Зрители, разумеется, были правы, поскольку для них то был не артист Северо-Осетинского театра кукол В. Ашикомов, а самый настоящий Волк, похожий на своего коллегу из знаменитого сериала «Ну, погоди!..».

— И вот теперь я не знаю, какою мне стать — злым или добрым? А?

— Добрым! Добрым!! Добрым!!!

Данный диалог состоялся между публикой и другим Волком из сказки «Ищи и найдешь». Приспосабливаемый нравственный терзаний и замкнутый на проблемах выбора, грустный темно-голубой Волк в меланхолическом, смешанном и обязательном исполнении В. Рамонова вызывал полное ощущение и понимание зала, дружно направлявшего своего любимца на стезю добра и справедливости. А дети ведь всегда чувствуют, где добро и как отличать хорошее от плохого.

Помимо интуиции, современный юный (самый юный) зритель образован исключительно.

— Смотри, смотри, глаза-то на батарейках...

Так разоблачался секрет огненных дьявольских взглядов злодея-правителя, которого убивал храбрый герой Дзэг — сын Дзига (Г. Пухов).

И стоило З. Плиевой в роли мамы ленинца, лежебоки Нашевелены (В. Рамонов) принести на сцену три пирога (а нечетное число пирогов в осетинском доме — примета праздника), как раздавался в партере чей-то торжествующий шепот: «Знаю, это у них из пароллона пироги...»

Разумеется, никто не отрицает общеизвестной истины: детская аудитория — самая благодарная, самая чуткая, самая отзывчивая, наделенная интуитивным пониманием всех «моральных оценок» и нравственного содержания поступков персонажей. Однако на современном спектакле для детей все чаще возникает своего рода «барьер всезнания», который необходимо преодолеть.

Только тогда ребенок поверит в чудеса, что происходят за старым мельничным колесом, в голубой «акватории» старой запруды. Там медлительно и невесело плавают сочиненные художником Александром Чеботаревым дусялки с замысловатыми прическами из серебряных водорослей. Там маленький Водяной разговаривает мелодически-звонким и трогательным голосом артистки Е. Зубиной и задает вопросы, дышащие детской любознательностью и не менее детской наивностью.

Только тогда ребенок включится в балаганное представление, разыгранное бродячим кукольником у подножия Эйфелевой башни, и узнает о приключениях Гиньяля в Париже. Только тогда станет верным другом весело распевающего квартета придуманных М. Хетагуровым вязаных кукол: Медведицы с ее чадом — непослушным Кикой и забавной девочки Бики с ее непослушным братом Даудом (З. Плиева, З. Тхостова, А. Циркова, З. Хугаева). А без заинтересованного, живого, непосредственного участия зрителей во всех событиях любого спектакля не мыслит своей работы главный режиссер театра Михаил Гаев.

Он справедливо считает, что, во-первых, театр кукол может и должен занимать в идеальном эстетическом воспитании ребенка место очень приметное. А во-вторых, круг средств выражения мысли, круг художественных приемов, по его мнению, должен быть максимально широким. Под крышей одного дома живут традиционные перчаточные куклы, и куклы тростевые, и гигантские куклы — маски, преобразующие живых актеров в персонажей гротескных и причудливых — в «Соломенном бычке» и в «Жил да был Нашевелена». Есть тут даже не столь частые на «кукольной» нашей сцене марионетки — герои спектакля «Гурвинек в стране жучков». И все они приехали в Москву на первые в сорокалетней истории театра гастроли.

Конечно, не обошлось без неполадок — хотелось бы всегда видеть более экспрессивную, более интересную световую партитуру, более четкую работу актеров, открыто театральным приемом меняющих декорации в «Соломенном бычке», и более совершенную монтимонтаж спектаклей, не обнажающую, а маскирующую секреты «кукольных метаморфоз».

Но вполне устранимые неполадки не мешали актерам работать с полной отдачей, с искренним стремлением найти общий язык со своими московскими зрителями. А работали актеры и осетинской, и русской труппы с нагрузками предельными: ежедневно два спектакля в здании Московского театра кукол. Плюс выездные представления во дворцах культуры, домах пионеров, клубах Москвы и Московской области. А по воскресеньям в стационаре играли три спектакля. Остается лишь воздать должное трудолюбию всех исполнителей. Очень разные — опытные и молодые, заслуженные и дебютанты, они объединены театром под названием «Сабиз». В переводе на русский язык «Сабиз» означает «Малыш». И эмблема театра — маленькая кукла в национальном костюме на фоне гор знакома зрителям множества автономных республик и городов России.

У «Малыша» немало наград за участие во всесоюзных и республиканских смотрах и фестивалях. У него десятки тысяч малолетних почитателей. А среди премий, дипломов, грамот, полученных «Малышом», есть одна особенно дорогая всему театру — премия имени М. Камбердиева, присуждаемая комсомолом Северной Осетии.

У подножия гор и в высокогорных селениях являлись когда-то своим соотечественникам величавые сказители, легендарные ныне Бибо Дзуготов и Магомед-Гирей.

Пленя слух и поразили сердца своих зрителей эпическими преданиями о богатырях — нартах, о подвигах во славу родной земли, народные певцы ради контраста завершали свои печальные повести веселыми импровизированными комедиями, которые разыгрывали ярко наряженные куклы. Вот такая почтенная родословная и какое обязывающее прошлое у современного «Малыша». Вот почему спектакли «Сабиз» — столь характерные, пестрые, населенные, как и положено театру кукол, домовыми, водяными, духами, чертами, складываются в одну большую сказку. И сказку рассказывает «Малыш», одетый в черкеску.

Е. ЛЕОНИДОВА